

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 101.1

КАПИТАЛИЗАЦИЯ НАУКИ В СЕТИ ИННОВАЦИЙ

CAPITALIZATION OF SCIENCE IN NETWORK INNOVATION

М.А. Игнатов¹, В.С. Игнатова¹, В.П. Римский^{1,2}
M.A. Ignatov¹, V.S. Ignatova¹, V.P. Rimskiy^{1,2}

¹Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

¹State Institute of arts and culture, 7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia

²Belgorod State National Research University, 85 PobedaSt., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: ignatovmikle@gmail.com; v-day@mail.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. Авторы в данной статье дают обобщённую версию собственной инновационной идеи о субкультурном происхождении «нормативной науки» и её властном доминировании в качестве технауки, производящей бесконечный поток технологических инноваций, пресекающий саму возможность радикальных научных открытий и революционной «смены парадигм» в науке на рубеже XX и XXI столетий. Обосновывается положение о том, что «методология сети» вырастает из специфической парадоксальной темпоральности культурно-цивилизационных оснований модерна и попыток преодоления соответствующих дихотомий «нововременной науки» и «модернизирующих философий» (Б. Латур), контр/субкультурных феноменов и парадоксов технауки в «постиндустриальном модерне».

Resume. The authors of this article give a summarized version of your own innovative ideas about subcultural origin of "regulatory science" and its power dominance as the technoscience that produces an endless stream of technological innovation, precluding the possibility of radical scientific discoveries and revolutionary "paradigm change" in science at the turn of XX and XXI centuries. The author substantiates the position that "the methodology of the network" grows out of specific paradoxical temporality of cultural and civilizational foundations of modernity and the attempts to overcome the dichotomies of appropriate "novouredeni science" and "modern philosophies" (B. Latour), the counter/subcultural phenomena and paradoxes of techno-science in the "post-industrial modernity."

Ключевые слова: интеллектуальная революция, модерн, наука, инновации, научная парадигма, субкультура, научная субкультура, сеть, сетевая парадигма, технаука.

Key words: intellectual revolution in modern science, innovations, scientific paradigm, subculture, subculture research, network, network paradigm, technoscience.

Контексты научной рациональности

Десакрализация христианской теологии и мифологизация политической идеологии в переходный период к цивилизации модерна (Возрождение – Реформация – Контрреформация – ранние буржуазно-либеральные революции) стали тем культурно-историческим контекстом, который вызвал помимо «революций» политических и культурных **интеллектуальную революцию XVII века** (М.К. Петров), генезис науки и соответствующего «научно-философского» дискурса [См. 7: 5-16]. Западноевропейская наука и философия нового времени была сформирована в социокультурном контексте XVII века и, разумеется, при осмыслении этого периода мы сталкиваемся с массой стереотипов, укоренившихся в истории философии. Стереотипы (псевдорационализации) начинают формироваться уже в самой философии XVII века и закрепляются в философской апологии научного разума и социального прогресса в эпоху Просвещения. Немецкая классическая философия и философия европейского романтизма впервые подвергла ревизии рационалистические основания своего собственного философского и ментально-антропологического дискурса. Но подобная ревизия закончилась плачевно: наступил конец самой классической европей-

ской философии. На смену ей пришли самые разные варианты «неклассической» философии, которая в лице религиозно-философских концепций (от позднего Шеллинга до неотомизма и русской философии) пыталась *критически преодолеть*, а в лице различных версий позитивизма – *оправдать и укрепить* формально-логический и рационалистический дискурс новоевропейской философской классики.

Прежде чем говорить о научно-инновационных капитализациях современности, наверное, необходимо определить позицию по вопросу собственного понимания того, что из себя представляет наука, каковы её культурно-исторические предпосылки, конкретно-исторические основания возникновения и достижения системной полноты, связанной с тем, что М.К. Петров назвал «онаучиванием общества». Но поскольку это тема специальных исследований, которые сопровождают современную науку на протяжении 400 лет её реального существования на почве европейской культуры, мы лишь оговоримся о тех историко-научных и историко-философских приоритетах и авторитетах, которым следуем.

Во-первых, мы сознательно не употребляем понятие «наука» применительно к древнему миру, античности или средневековью, постоянно утверждая, что однозначно придерживаемся той позиции, которую в нашем науковедении и философии науки впервые сформулировали и отстаивали М.К. Петров и А.В. Потёмкин, как и многие другие отечественные науковеды и философы: наука как специфическая форма культуры, знания, творчества и познавательной активности возникает *только* в сложном контексте Европы XVII века и больше нигде не присутствует. До этого можно говорить лишь о *донаучных рациональных* и *донаучных нерациональных формах знания* и творческой, инновационной деятельности по их производству и воспроизведению как *культурно-исторических предпосылок науки*. Именно в *специфике институтов духовного производства раннего индустриализма*, в положении интеллектуала в нём следует искать загадки и разгадки рационализаций и псевдорационализаций науки и философии модерна. Мы везде сознательно берём термин «научная философия» в кавычки, т.к. считаем, что философия не является «наукой», представляет специфическую форму знания, обладает собственными эпистемологическими процедурами мышления, а истины науки отличаются от истин философии [См. 28: 34-57; 29: 61-75]. Впрочем, это традиционный спор о «специфике философии», который остаётся в контексте нашей статьи.

При этом, если и говорить о генезисе науки как об «интеллектуальной революции XVII века» [См. 3: 5-24; 4: 65-80], то именно в таком горизонте понимания последней, как именно «революции», т.е. определенном «оборачивании», возврате к этим «историческим предпосылкам» в рационализированном и упрощенном варианте, что нам, в частности, и демонстрирует «возрождение» античности в эпоху Возрождения и «возвращение» ценностей «раннего христианства» в Реформации.

Очередной системный цивилизационный кризис, разрыв и разлом, связанный с так понимаемыми «возрождением» и «реформацией» привел к болезненной трансформации «христианского мира» как вторичной «осевой» цивилизации в формы новоевропейской, индустриальной. Именно в Европе «нового времени» мы приходим к возникновению собственно «европейской цивилизации», основанной на универсально-понятийном социокоде «научной философии» как «гносеологии» и «гносеотетики» (впервые осознано Кантом и дисциплинарно номинировано кантианцами), использующей арсенал античной *философской* и средневековой *богословской номотетики*, но здесь они в превращенных, перекодированных формах (философия как «наука» и квазитеология, «метафизика») участвуют в производстве не полиса и «христианского мира», а «гражданского общества» и нации-государства с рациональным разделением на исполнительную, законодательную и судебную власть.

Интеллектуалы и институализация науки

Наука первоначально не возникает как «таковая», а шаг за шагом создается интеллектуалами, которые себя еще не осознают «учеными» в нашем понимании. Они вполне искренне ощущают себя всё ещё теологами, как Декарт или Ньютон, хотя и дистанцируются от университетской, схоластической «учёности». Они и выходят в «ничейное пространство», где власть церкви и авторитет схоластики уже не действуют: Бэкон и Гоббс занимаются философией в пространстве политики; Спиноза вообще оказывается вне этноконфессиональных и государственно-политических границ (свой среди чужих, чужой среди своих); Бэкон, Локк и просветители уходят в транskonфессиональное масонство. Но именно здесь начинают создаваться *собственные основания науки*.

Наука первоначально возникает в маргинальных пространствах между религией, теологией, философией, правом и политикой как *специфическая субкультура* с собственными коммуникативными ресурсами, символической манифестацией и мифологией, которые формируют стереотипы поведения ученого и способы научной деятельности, воплощенные в специфических знаково-символических формах, социокодах, структурах личностной идентичности и идеальных формах научной рациональности (научного знания). Неформальные, «субкультурные» способы коммуни-

кации науки (прежде всего, «невидимые колледжи») подкреплялись созданием «формальных» научных институций типа «научных академий».

Другим фактором институализации науки и её экспансии в культурные коммуникации и способы продвижения знания стало появление специфических научных текстов – статей и монографий, которые первоначально вырастают из частной переписки ученых и философов, но рассчитанной на публичную манифестацию идей. Научная монография возникает из писем и статей учёных: симптоматично её символическое самоназвание, отрицающее фактически открытый, лицом к лицу диалог и утверждающее субъектно-объектный монологизм (на этот момент мало обращают внимание). Монография отличалась от теологических трактатов не только апелляцией к «научным», «математическим» и экспериментальным авторитетам, но и к «интересам государства и нации».

О специфике «методов доказательства» рождавшейся научной субкультуры и её связи с политической аргументацией очень много сказано в работах Б. Латура, призвавшего исследовать научные практики такими же «полевыми» культурно-антропологическими методами, которыми мы изучаем и описываем «дикарей» остывших, этнографических культур [18: 1-32; 32: 7-20]. Он, например, пишет о «научной полемике» Бойля и Гоббса: «Оба ратуют за короля, Парламент, за послушную единую Церковь, и оба являются пылкими приверженцами механицизма. Но хотя оба они являются последовательными рационалистами, их мнения расходятся в отношении того, чего следует ждать от эксперимента, научного доказательства, форм политической аргументации и, в первую очередь, от воздушного насоса – подлинного героя этой истории... Вместо того чтобы основываться на логике, математике или риторике, Бойль опирается на параюридическую метафору: заслуживающие доверия, состоятельные и достойные уважения очевидцы, собравшиеся вокруг сцены, на которой проводится опыт (Бойль пригласил на эксперимент парламентариев, вот откуда у «народных избранников» тяга к научным степеням и званиям – авт.), могут свидетельствовать о существовании факта, *the matter of fact*, даже если сами они ничего не знают о его подлинной природе. Таким образом, Бойль изобретает эмпирический стиль, которым мы пользуемся и по сей день» [18: 78, 79, 82, 91-92]. Латур вполне обоснованно закладывает сомнения в «объективности» и «строгости» как научной аргументации и доказательств, так и лабораторных опытов, которые не просто «конструируются» учеными, но даже сами приборы должны быть «заточены» на уже прогнозируемый «результат».

Политическая аргументация в науке и научная аргументация в политике рождали рационалистический дискурс политико-правовой мифологии Нового времени. Мифы современности оказываются непохожими на все, что мы встречали в традиционных религиозно-мифологических системах. Новая эпоха использовала теперь не столько мифологические образы и символы в чистом виде, сколько их превращенные, *рационально-понятийные, псевдонаучные формы*. Дело усложнялось и тем, что индустриальная цивилизация покоится на фундаменте *инновационных технологий*, инновации постоянно задают не только экономическую и социокультурную динамику, но и мыслительно-идеологическую. Объясняющим мифом здесь выступают и сами концепты «природы», «естественности» и вытекающего из них «разума», «естественной религии» и «религии в пределах разума», заложенные в методологию не только всей новоевропейской философии и концепций «естественного права», вплоть до Гегеля и Фейербаха, но и в основу политико-правовых и идеологических практик ранней буржуазии [10: 151-168]. Завершение научная мифология и получила в эпоху Просвещения, в нигилистических салонах которого французская интеллигенция, как разрушительница всего старого и «отжившего», окончательно утвердила культ знания, разума, опыта, эксперимента [См. 23: 278]. Методы политической аргументации переносятся не просто в науку, с ними вторгаются и соответствующие политические мифологемы и схематизмы, а «малая», *неформальная научная субкультура** постепенно подчиняется «большой науке» и входит в «научную политику», связанную с «безопасностью нации» и «государственным интересом» [30], на правах терпимых чудачеств интеллектуалов-творцов, занимающихся созданием «научных парадигм» (Кун).

Т. Кун, «дезертир», выражаясь языком М.К. Петрова, из вполне «нормативной» физики конца сороковых годов XX века в историю и философию науки, писал: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений... Вводя этот термин, я имел в виду, что некоторые общепринятые примеры фактической практики научных исследований – примеры, которые включают закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование, – все в совокупности дают нам модели, из которых возникают конкретные традиции научного исследования» [14: 11, 28]. Под парадигмой, если следовать логике куновских текстов, его интерпретаторов и критиков, надо понимать общепризнанную, *устойчивую систему ценностей, понятий, теорий, методов, технологий, оборудования, средств и методик исследования* (инструмен-

* «Невидимый колледж», который почему-то всегда втайне мечтает стать «видимым», успешным и достойным публичной славы.

тально-технических и операционно-умственных), которая даёт учёным в их репродуктивной, повседневной рутинной деятельности модели и образцы постановки проблем, принципы выдвижения гипотез и схемы их решений в качестве концептуальных или инструментальных «головоломок», позволяющих получать научные инновации не революционного, а эволюционного, «нормального» типа.

Парадигмы фиксируются не столько на «переднем крае науки» (мы опять прибегаем к терминологии М.К. Петрова) в научных статьях с опорой на «сети цитирования», где и происходит накопление критической массы «научных инноваций», способных взорвать «парадигму», сколько в «научных отчётах» (описание лабораторных экспериментов и грантовых подрядов, которые, по мнению Латура, являются свидетельством «научности» даже социальных наук), монографиях и учебниках, в «тылу» учебного процесса передачи знаний и формирования «научной смены», что и воспроизводит научную (дисциплинарную) традицию и производит сообщество учёных в научных школах и направлениях, где господствует коммуникативная риторика доказательства научной рациональности парадигмы её отцами-основателями. Эти «основатели парадигм» – лидеры, авторитеты и эксперты – часто действуют по типу *иерархических сетей* и создают «под свои парадигмы» замкнутые, *эзотерические «интеллектуальные субкультуры»*, открытые лишь для «нормативно близких» и отчуждающих «маргиналов», претендующих на «оригинальность» и «ненормативную инновационность» революционного, паранаучного или ненаучного типа (в период нормативной научности последние формы знания часто не различаются) [12: 28-39; 11: 23-31]. Научные парадигмы соотносятся с относительно спокойным периодом в развитии науки или её отдельных дисциплин, когда наука существует в качестве «нормальной» и «нормативной» («классической») в отличие от времён «научных революций», радикальной ломки науки и её дисциплинарных специализаций.

Научная рациональность в цивилизации модерна наиболее полно выразилась и в соответствующем *социокоде* – доминирующей знаково-семиотической системе, которой становятся различного рода *математически-формализованные научные тексты (индуктивно-математическая и экспериментальная рациональность)*, способные бесконечно наращивать объем информации о внешнем мире и внешнем поведении человека (высший образец на данный момент – информационно-кибернетические машины, воспроизводящие специфическую виртуальную реальность). «Бесконечно наращиваемая информация» без всяких аксиологических, «субъективных» примесей становится образцом «научности» и «объективности научного знания».

Социокультурный хронотоп индустриализма задавал не только способы ментально-понятийного и аксиологического осмысления природного и человеческого мира, но и способы производства и воспроизводства самой жизни человека и общества, «социальной материи». И главным двигателем в развитии «индуст-реальности» (О. Тоффлер) – онтологической, культурной и ментальной – стали *социальные* (прежде всего, управленческие) и *научные инновации*, которые обладали креативным потенциалом и воплощались в соответствующих *технологических инновациях-репродукциях*. Завершение эти цивилизационные процессы нашли в *основной технологической инновации модерна*, собственно и создавшей индустриальный мир: *изобретение машин и машинной индустрии*.

Этот процесс «онаучивания общества» (М.К. Петров), начался тогда, когда лаборатория вышла из стен университетов и шагнула в аптеки, больницы, фабрики и заводы. Очень прекрасно это описал Латур в ряде своих работ, особенно, на примере «пастеризации Франции» [16], т.е. в *сознательном соединении Л. Пастером фундаментальных и прикладных исследований*. При этом наука как основной институт обновления и трансляции знания и технологий становится ядром, динамичным и *энергетическим центром новой индустриальной цивилизации*.

Процесс дисциплинарного оформления «нормативной» науки, в том числе и социально-гуманитарной, состоялся только в XX веке, в канун Первой мировой войны. Именно то, что часто называют новой «научной революцией» и связывают с эйнштейновским радикальным переворотом в физике (Кун считал, что теория относительности не «снимает», а отрицает парадигму Ньютона, не устраняя эффективности технологического применения ньютоновской «науки»), было *завершением научной революции*, начатой в XVII веке великими учеными и философами. Здесь закончился процесс формирования наукой *собственных социокультурных оснований*.

В середине XX века, когда произошли процессы, названные «научно-технической революцией», наука переходит от стадии генерирования радикальных, *творческих открытий и инноваций* (все великие революционные открытия были сделаны до Первой мировой войны или завершены уже в промежутке между мировыми войнами – это отдельная проблема) к периоду *репродуктивных инноваций*, т.е. к технологической и коммерческой разработке творческих инноваций (великих научных открытий) путём решения «научных головоломок» в рамках сложившихся дисциплинарных, междисциплинарных, мультидисциплинарных и трансдисциплинарных парадигм. Даже последний феномен «трансдисциплинарности» является свидетельством именно того, что и сами научные «головоломки», и их формальные, технологические и коммерческие приложения

представляют собой репродуктивные инновации, так как не вносят ничего принципиально нового в отдельные «науки», нивелирующие собственные методологические основания.

Технологизация инновационных сетей и рождение технауки

Т. Кун зафиксировал в своей «философии научных парадигм» торжество «научно-технического прогресса» и превращение науки в «*технауку*», что и послужило благодатной почвой, в которой возросли *корневища* (по-французски – *rhizome*) развитых постиндустриальных торговых, производственных, информационных и прочих *сетей и сетевых мышления*.

В пространстве «большой политики» уже в XX веке находит закрепление феномен «научно-технической контрреволюции» (М.К. Петров), т.е. технологии «эффективного управления наукой» и манипуляции «научным поголовьем» в интересах власть имущих.

Наступает время «большой науки», «технауки» – эпоха репродуктивных инноваций, которая связана с такими социальными и культурными феноменами как «общество потребления», «информационное общество», «общество знания», «постиндустриальная цивилизация», концептуализация которых только затемняет истинный смысл происходящих процессов. Технаука, *специализированная научно-инновационная культура*, носителями которой становятся предприниматели-капиталисты (или «красные» директора при социализме) и учёные («невидимый колледж» и «дисциплинарные субкультуры»), которая до сих пор целенаправленно воспроизводится в системе образования (производство научных и управленческих кадров) и духовного производства (воспроизводство самой «культуры» в узком смысле как «духовной» и «массовой»)*. И в пространстве «большой политики» уже в XX веке находит закрепление феномен «научно-технической контрреволюции» (М.К. Петров), т.е. технологий «эффективного управления наукой и образованием» и манипуляции «научным поголовьем» в интересах власть имущих.

Поэтому, на наш взгляд, и не было с начала прошлого века и до сих пор никаких «научных революций» и «парадигмальных переворотов»: то, что мы наблюдаем и в естествознании, и в социально-гуманитарных науках, было становлением «нормальной науки» (технауки) и «нормативных парадигм».

Из этой ситуации доминирования технауки исходили в своих первичных интуициях «ризомы» Ж. Делёз и «сети» Б. Латур, представители поколения молодёжной контркультурной революции конца 60-х годов прошлого века, восставшей против технауки и её воспроизводства в западных университетах. Технаука, использующая технологические достижения компьютеризации индустриальных технологий, и вызвала критические и апологетические версии *сетевой методологии* в исследовании «постиндустриализма», «информационного общества», «когнитивного капитализма» и т.п.

Б. Латур в 70-е годы прошлого века создаёт весьма оригинальное и непривычное по терминологии и понятийно-методологическому аппарату направление в социологии науки, известное как «Исследование науки и технологии» (STS). Оригинальность и непривычность нового направления было заметным даже на фоне многообразия научных и философских стилевых изысков французского постмодерна, который несомненно повлиял на латуровские концепты. Направление, быстро превратилось в научную школу и институализировалось в государственном и международном пространстве в качестве «новой прагматической парадигмы» [32: 7-20], а к настоящему времени STS стало не только ведущей школой в социологии науки и знания во Франции, но и своеобразной альтернативой философии структурализма и постструктурализма. Б. Латур очень любит свою акторно-сетевую методологию, себя и своих коллег по «лабораторному сообществу» представлять в образе трудолюбивых «муравьёв», следующих по «сетям науки».

Основные работы лидера школы – книги «Лабораторная Жизнь» (1979), «Пастер: Война и мир микробов» (1984), «Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества» (1987) и др. – достаточно быстро были переведены в России [См. 15: 1-32; 16; 17; 18], что позволяет проследить последовательную эволюцию «акторно-сетевой методологии», в том числе и становление его не столько понятийно-категориального, сколько странного концептно-метафорического аппарата, напоминающего этакий научный новояз или скорее субкультурный сленг. Последняя его книга «Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию» (2005) [19], содержит своеобразный итоговый синтез поиска новой социологической, «сетевой» парадигмы и её философских обоснований.

В своём исследовании науки Б. Латур в определённой мере близок К. Попперу с его положением о том, что между естественными и социально-гуманитарными науками, опирающимися на «опыт», особой разницы нет. Это вполне вписывается в «новый прагматизм» и «новый позитивизм» последних десятилетий, трансплантированный в континентальное философско-научное поле из англо-американской ойкумены, как и сто лет назад. Но если в своей эволюционной эпистемологии К. Поппер, оставаясь всецело в рамках «гносеологии», исходит из принципа, что науки призваны создавать, обосновывать или отбрасывать гипотезы, то Б. Латур вполне вписывается в

* На эти моменты, кстати, впервые обратил внимание именно М.К. Петров.

коммуникативно-риторический поворот в философии науки конца XX века [23: 370-398], когда основное свойство науки видит не только в «поиске достоверной истины» и её технологическом «приложении», но и в том, что «мощь науки – по сравнению, скажем, со снизившимся влиянием религии – следствие её способности убеждать по-другому» [33: 5]. О.В. Хархордин так передаёт основную науковедческую установку Б. Латура: «Можно сказать и немного по-другому: убедить в науке – значит добиться того, чтобы твои утверждения казались наиболее вероятными, то есть таковыми, которые можно «принять» на веру, в которые можно эту веру обрести. Конечно, чтобы другие в них поверили, надо их доказать, а сначала – просто показать. Здесь важно подчеркнуть две эти стороны процесса научного обретения веры. Во-первых, доказать – значит довести выказывание чего-либо до конца, так, что перед нами – уже не кажимость, а очевидность. Во-вторых, база для доказывания – первоначальное простое выказывание, делание чего-либо видимым. Если первый термин намекает на нарастающую степень очевидности, постепенное доведение чего-либо до статуса очевидной истины, то второй – выказывание чего-либо – говорит о простой очевидности, явленности очам» [33: 6-7]. Только профан не увидит здесь глубокой философской традиции, восходящей не только к М. Хайдеггеру с его умозрением открытости и несокрытости истины-алетейи, но и к Декарту, и к античным теоретикам-созерцателям.

Но в отличие от последних, современный учёный, занимающийся исследованиями в лабораториях, вынужден, как и Р. Бойль у истоков научных практик, для поиска истины «показывать» её не только коллегам по лабораториям и научным дисциплинам в своих доказательных журнальных статьях и сетях цитирования, но и *убеждать в отчётах* в «истинности и эффективности» своих работ грантодателей, государственных и корпоративных чиновников, дающих «деньги на науку», парламентариев, принимающих «научные бюджеты», партии и избирателей, контролируемых через выборы и «общественное мнение» политиков, чиновников и... учёных. Эти же корпоративные менеджеры, политик и избиратели становятся потребителями «инноваций», технологических приложений науки, вновь контролируя «истину и эффективность» учёных. А тут мешают исследуемые «природные процессы» (микробы, атомы, молекулы и т.п.) или «социальные закономерности» (институты, нормы, ценности и пр.), когда не поддаются экспериментам и методам и ставят под угрозу «истину и эффективность» учёных.

Так и создаются «научные сети», в которых действуют многочисленные «акторы», человеки и нечеловеки, обладающие собственной активностью, собственным мнением, собственной истиной и даже собственной «эмпирической метафизикой». Этимология латуровского понятия «актор», применяемого отечественными «социологами» совершенно неререфлексивно в силу «моды на термины», восходит к латинскому слову «auctor», коренящемуся в сакральных и гражданских практиках Рима, и в новоороепейских языках (в том числе и в русском) связанному не только с «актёром», но и с «автором». К сожалению, «актёр» и «автор» оказались разведёнными терминами: утвердилось слово «актёр» как участник и фигурант (франц. *acteur* – исполнитель), передающее смысл *репродуктивного субъекта*, и слово «автор» (англ. *author* – как «творец» и как «виновник»), содержащее коннотации активности и творчества *субъекта действия*, его «самостояние». Этимологически близким к слову «актёр» оказывается в новоевропейском контексте и слово «артист» (французское *artiste*), которое восходит к латинскому *ars* (искусство), а в средние века *artista* называли художников, мастеров, тех, кто занимался «свободными искусствами», преподававшими в школах, а затем в университетах, и вообще всех «искусников».

Близкий по смыслу термин «агент» (лат. – *agens*, франц. – *agent*; переводится как «действующий», но и как «представитель», «посредник») ввёл П. Бурдьё, рассматривая человека в качестве «деятеля». Но Б. Латур, преодолевая его «критическую социологию» и питая неприязнь к самому «интеллектуалу», как и вообще к таковым, не использует смыслы «агента» в качестве «посредника», хотя последнее для него было бы очень эффективно в плане приращения смыслов и инноваций. Он ограничивается коннотациями «актора», который может быть сведён до роли простого «исполнителя» и «проводника», но способен становиться и «инновационным посредником», и показывает, что такими «актёрами» и «искусниками» оказываются почти все «акторы» в научных и социальных сетях, человеки и нечеловеки. Он не обыграл и смысл актёра-автора, хотя в его текстах все они так или иначе не только обладают собственным «мнением», «волей» (например, строптивные микробы) и «эмпирической метафизикой», когда пишут собственную судьбу и решают повседневные проблемы (гипотезы К. Поппера), как физики или социологи пишут «научные отчёты» (последнее, конечно, относится к «человекам», которым социологи часто отводят пассивную роль «респондента» в количественных опросах).

Б. Латур и взял за основу социологии науки и производства знания «жизнь актёров» не только в лаборатории, но и в социальных сетях (речь у него не идёт о «социальных сетях в интернете» – это узкое понимание «сетей»), перенеся «полевые» качественные методы культурной антропологии для расшифровки «нечленораздельного бормотания ученых, беседующих, сидя на скамейке», аналогично тому, как это делают этнологи, изучая ритуалы и мифы архаичных туземцев или записывая фольклор последних жителей старого крестьянского мира европейских окраин.

Вполне обоснованно звучат и мысли Б. Латура о том, что в своей рационализации образов науки и ученого мы отдалили нашу «нововременную» культуру от мира традиционализма настолько, что потом и перенесли на изучение *других культур* черты нами же *сконструированного мира*, в том числе и «науку» (о чем выше и говорилось). Действительно, не впадая в примитивный антисциентизм, может задать вслед за Латуром себе вопрос горьковского Климата Самгина: а был «мальчик», наше «новое время»? А может Нового времени и не было?

Дело в том, что и часть антропологов начала производить аналогичные параллели и задавать подобные вопросы. Ф. Дескаля, ученик К. Леви-Строса, во многом следуя Латуре, отмечает, что между нашими способами научного познания и тотемическими классификации мира людьми мира традиционализма нет такой уж большой и принципиальной разницы. Он пишет: «Согласно моей гипотезе, четыре способа идентификации в потенциальной форме присутствуют в каждом из нас. Можно сказать, что имеем возможности делать выводы или умозаключения по каждому из четырех типов... Например, я предполагаю, что большая часть из нас – натуралисты. Но ничто не мешает людям, выросшим в натуралистическом мире, сверяться с гороскопами, т.е. делать выводы по аналогии. Ничто не мешает разговаривать со своим котом (что случается и со мной...) и, таким образом, вести себя анимистически... Наш спор с Бруно Латуром вращается вокруг вопроса: если нового времени не было..., кто же мы такие?» [9: 179-180, 190]. Мифы науки и мифы о науке вплоть до наших дней пересекаются с политическими мифами, в том числе и с мифами антисциентизма.

На поиск новых принципов организации культуры и общества направлена и сетевая «социология оправдания» Люка Болтански, Эв Кьяпелло и Лоран Тевено [См. 5; 6; 31: 350-373], представители «прагматического поворота» французской социологии, вырастающего то из отрицания, то из возврата к «критической социологии» П. Бурдьё и осознанно опирающегося на «сетевые концепты». При том, что «социология оправдания», как и идеи Ж. Делёза и Б. Латура, вырастает из левых ориентиров французский интеллектуалов и отстаивает идею создания реалистичных «новых механизмов справедливости», она фактически является определённой апологией «нового духа капитализма», озабоченного «обновлением» и «реструктуризацией». Мы не собираемся подвергать критике «критическую социологию», а лишь отмечаем место «сетевой парадигмы» в её концептуализациях.

Л. Болтански и Э. Кьяпелло выделяют французскую и англо-американскую версии сетевой методологии. Они, рассматривая обыденное и теоретическое употребление концепта «сеть», редкое в 60-е и постепенно нарастающее в последующие годы, отмечают: «Понятие сети, которое до начала 1970-х годов имело скорее специальное или маргинальное употребление, с тех пор стало объектом большого внимания и является сегодня ключевым для целого ряда довольно разнообразных теоретических или экспериментальных работ по разным дисциплинам, так что приверженцы такого рода разработок решительно заявляют о новой парадигме (Burt, 1980; Callon, 1993; Degenne, Forsé, 1994; Wasserman, Faust, 1994). Та легкость, с которой распространилось использование сетевой метафоры, та скорость, с которой стали развиваться различные специальные исследования, и те значения, в которых она в них использовалась, определяют рискованность любой попытки провести такую разграничительную линию между «научным» и «идеологическим» использованием сетевой терминологии» [5: 254-255]. При этом авторы генеалогии собственной сетевой методологии выводят из коммуникативной философии Ю. Хабермаса и коммуникативной психологии П. Вацлавика, идей самоорганизации систем (синергетика И. Пригожина) и научных идей В. Гейзернберга, американской социологии анализа сетей (один из пионеров сетевого подхода М. Граннветтер, Л. Фриман и др.) и социологии науки Б. Латура, собственно создателя целостной акторно-сетевой теории (АСТ). Почему-то теории постиндустриализма здесь слабо рефлексированы.

К сожалению, прямая, сознательная обращённость к сетевой методологии и её критическая рефлексия у отечественных учёных и философов наблюдается только в последние годы [См. 25: 148-159; 22; 36: 42-49; 20: 61-75; 21: 56-66; 35: 202-210; 1: 59-70; 2: 50-61]. Российская философия, которая так любит быстро улавливать в свои концептуальные и «дисциплинарные» сети всё «инновационное», создавая то «философию науки», то «философию языка», то «философскую синергетику», как-то ещё не успела создать «философию сети»...

Культура индустриализма задает не только способы ментально-понятийного и аксиологического осмысления природного и человеческого мира, но и способы производства и воспроизводства самой жизни человека и общества, «социальной материи». И главным двигателем в развитии «индуст-реальности» (Тоффлер) – онтологической, культурной и ментальной – стали *научные репродуктивные инновации*, которые первоначально обладали креативным потенциалом, но затем свелись к беличьему колесу безудержного роста *технонауки в сетях технологических инноваций-репродукций*, в котором и крутится так называемая «постиндустриальная», а на самом деле «потребительская» индуст-реальность, манифестирующая себя в рекламных и медийных симулякрах.

Но как бы мы скептически ни относились к научным рационализациям и открытиям, как и сопутствующим им техническим изобретениям-инновациям и технонауке, от них мы уже никогда не сможем отказаться. И не только потому, что они доказали свою силу аргументами приложения открытий и инноваций к преобразованию мира в «интересах человека» и «удовлетворения по-

требностей». Но и потому, что мы уже не можем вырваться из нашего «нового времени» и убежать от науки, не изменив себя или не остановив нашу жизнь, хотя бы на мгновение, как это сделал Фауст в антициентистской, пропитанной масонским контекстом великой поэме Гёте.

Список литературы References

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59-70.
Arshinov V. I., Budanov V. G. Paradigma slojnostei of social and human projection of convergent technologies // problems of philosophy. 2016. No. 1. P. 59-70.
2. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Системы и сети в контексте парадигмы сложности // Вопросы философии. № 1. 2017. С. 50-61.
Arshinov V. I., Budanov V. G. Systems and networks in the context of the complexity paradigm // problems of philosophy. No. 1. 2017. P. 50-61.
3. Белоненко Е.О., Римский В.П. Капитализация времени в цивилизации модерна // Наука. Искусство. Культура. Рецензируемый научный журнал БГИИК. №1 (5). Белгород, 2015. С. 5-24.
Belonenko, E. O., Roman, V. P., Capitalization of time in modern civilization // Science. Art. Culture. Peer-reviewed scientific journal of BGIK. No. 1 (5). Belgorod, 2015. S. 5-24.
4. Белоненко Е.О. Римский В.П. Время в самоидентификации модерна // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №2 (199). Вып. 31. Белгород, 2015. С. 65-80.
Belonenko, E. O., Rimskiy V. P. Time identity modernity // Scientific statement BSU. A Series "Philosophy. Sociology. Right." No. 2 (199). Vol. 31. Belgorod, 2015. S. 65-80.
5. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011.
Boltanski L., Chiapello E. the New spirit of capitalism. M., 2011.
6. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М., 2013.
Boltanski L., Thevenot L. Critique and justification of justice: essays on the sociology grad. M., 2013.
7. Будянская Л.А., Римский В.П. Социокультурные и ментальные контексты Возрождения и Реформации: к методологии исследования генезиса новоевропейской философии // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №2(97). Вып. 15. Белгород, 2011. С. 5-16.
Budyanskaya L. A., Rimskiy V. P. Socio-cultural and mental contexts of the Renaissance and the reformation: on the methodology of the study of the Genesis of modern philosophy // Scientific statement BSU. A Series "Philosophy. Sociology. Right." No. 2(97). Vol. 15. Belgorod, 2011. S. 5-16.
8. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Современные стратегии культурологических исследований: Труды Ин-та европейских культур. Вып. 1. М., 2000.
Humboldt V. About the internal and external organization of higher scientific establishments in Berlin // Modern strategies of cultural studies: Proceedings of the Institute of European cultures. Vol. 1. M., 2000.
9. Дескаля Ф. За гранью природы и культуры // Логос. №1 (80). М., 2011.
Descale F. Beyond nature and culture // Logos. No. 1 (80). M., 2011.
10. Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели. Белгород, 2012.
Dynamics of civil society, ethnic and religious tolerance and dialogue of cultures: an epistemological model. Belgorod, 2012.
11. Калинина Г.Н. Паранаука: дискурс и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 2 (199). Вып. 31. Белгород, 2015. С. 23-31.
Kalinina G. N. Parascience: a discourse and a subculture // Scientific statement BSU. A Series "Philosophy. Sociology. Right." No. 2 (199). Vol. 31. Belgorod, 2015. P. 23-31.
12. Калинина Г.Н., Римский В.П. Самополагание науки и превращенные формы знания // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 20 (139). Вып. 22. Белгород, 2012. С. 28-39.
Kalinina G. N., Rimskiy V. P. Samophlange science and developed forms of knowledge // Scientific statement BSU. A Series "Philosophy. Sociology. Right." No. 20 (139). Vol. 22. Belgorod, 2012. P. 28-39.
13. Кант И. Спор факультетов // Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М., 1994.
Kant I. The Dispute of the faculties // Works. In 8 t. T. 7. M., 1994.
14. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
Kuhn T. The Structure of scientific revolutions. M., 1975.
15. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. №5-6 (35). М., 2005. С. 1-32.
Latour B. Give me a laboratory and I will move the world // Logo. No. 5-6 (35). M., 2005. S. 1-32.
16. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб., 2015.
Latour B. Pasteur: the War and peace of microbes, with "Irreducible". SPb., 2015.
17. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013.
Latour B. Science in action: following scientists and engineers in society. SPb., 2013.
18. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006.
Latour B. the New time was not. An essay on symmetric anthropology. SPb., 2006.
19. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
Latour B. Rebuilding social. An introduction to actor-network theory. M., 2014.
20. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61-75.
Nazarchuk A.V. The Network society and its philosophical understanding // Questions of philosophy. 2008. No. 7. P. 61-75.

21. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56-66.
Nazarchuk A.V. Social time and social space in the concept of the network society // Questions of philosophy. 2012. No. 9. P. 56-66.
22. Общество сетевых структур: моногр. / М.В. Ромм и др.; под общ. ред. М.В. Ромма, И.А. Вальдмана. Новосибирск, 2011.
Society of network structures: monograph. / M. V. Romm and others; under the General editorship of M. V. Romm, I. A. Waldman. Novosibirsk, 2011.
23. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: концепции и проблемы: в 3 ч. Ч. 2: Философия науки: наука в социокультурной системе. СПб., 2011.
Ogurtsov A. P. Philosophy of science: twentieth century: concepts and problems: 3 h N 2: Philosophy of science: science in a socio-cultural system. SPb., 2011.
24. Петров М.К. Историко-философские исследования. М., 1996.
Petrov M. K. Historical and philosophical studies. M., 1996.
25. Пигалев А.И. Бог и обратная связь в сетевой парадигме // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 148-159.
Pigalev A. I. a God, and feedback network paradigm // problems of philosophy. 2004. No. 6. S. items 148 to 159.
26. Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010.
Ridings B. The University in ruins. M., 2010.
27. Зеленкова Т.В. О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. №3. С. 18-28.
Zelenkova T. V. network paradigm in psychology // Methodology and history of psychology. 2007. No. 3. P. 18-28.
28. Игнатова В.С., Римский В.П. Проблема «традиции – инновации» и генезис научно-инновационных субкультур: (культурно-цивилизационный контекст) // Наука. Культура. Искусство / Рецензируемый научный журнал БГИИК. №1. Белгород, 2012. С. 34-57.
Ignatov V. S., Rimskiy V. P. The Problem of "tradition – innovation" and the Genesis of scientific and innovative subcultures: (cultural-civilizational context) // Science. Culture. Art / peer-Reviewed scientific journal of BGIK. No. 1. Belgorod, 2012. S. 34-57.
29. Игнатова В.С., Римский В.П. Генезис науки, инноваций и научного университета (к девяностолетию со дня рождения М.К. Петрова) // Наука. Культура. Искусство / Рецензируемый научный журнал БГИИК. №2. Белгород, 2013. С. 61-75.
Ignatov V. S., Roman, V. P., the Genesis of science, innovation and research of the University (on the ninetieth anniversary of the birth of M. K. Petrov) // Science. Culture. Art / peer-Reviewed scientific journal of BGIK. No. 2. Belgorod, 2013. P. 61-75.
30. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб., 2011.
Fouco, M. Security, territory, population. The course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977-1978 academic year. SPb., 2011.
31. Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005. Хапаева Д. После интеллектуалов // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. М., 2005. С. 350-373.
Khapaeva, D. Dukes of the Republic in the age of translation: Humanities and the revolution of concepts. M., 2005. Khapaeva, D. intellectuals After // the Republic of literature. France in the world's intellectual culture. M., 2005. P. 350-373.
32. Хархордин О.В. Предисловие // Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013. С. 7-20.
Kharkhordin O. V. Foreword // Science in action: following scientists and engineers in society. SPb., 2013. S. 7-20.
33. Хархордин О.В. Предисловие редактора // Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006. С. 5-56.
Kharkhordin O. V. Preface of the editor // Latour B. the New time was not. An essay on symmetric anthropology. SPb., 2006. P. 5-56.
34. Шеллинг Ф.В.Й. Лекции о методе университетского образования / Пер. И. Фокина. СПб., 2009.
Schelling F. V. Th. Lectures on the method of University education / Ed. I. Fokina. SPb., 2009.
35. Шенцева Е.А. Ризома vs сеть // Вопросы философии. 2015. № 5. С.202-210.
Shentsev E. A. Reese vs the network // problems of philosophy. 2015. No. 5. P. 202-210.
36. Шенцева Е.А. Сетевой подход в контексте философского дискурса // Вопросы философии. 2012. № 8. С.42-49.
Shentsev E. A. Network approach in the context of philosophical discourse // philosophy Questions. 2012. No. 8. P. 42-49.